

Тема 1.2. Современное состояние исторической науки в отношении истории Востока эпохи Средневековья и Нового времени

1. Проблема хранения меж-исторических границ Востока эпохи Средневековья и Нового времени.

2. Основные концепции, которые характеризуют общественные структуры Средневековья Востока.

3. Проблема абстрагирования и стабильности восточных обществ у Средневековья и Нового времени.

4. Колониализм как фактор модернизации Востока. Эволюция традиционных структур Востока в Новое время.

1. Сложной является проблема периодизации, выделение границы, отделяющей Древность от средневековья в масштабах всего Востока. Общей для всего Востока грани наметить практически невозможно. Остается вариант, принятия некоей условной хронологической грани. Собственно, именно это и делается ныне практически всеми. Только в марксистской историографии эту условную и откровенно заимствованную из европейской истории хронологическую грань (примерно V в. н. э.) обычно отождествляют с формационной (начало феодализму – опять-таки с незримой ссылкой на то, что именно так было в Европе). Фактически речь идет не о грани между формациями, а об условной хронологической грани, откровенно ориентированной на реалии европейской истории и взятой именно для удобства периодизации, мы вправе ориентировочно датировать начало восточного Средневековья примерно первыми веками нашей эры.

А как быть с концом? Проблема здесь не менее сложна, хотя в некотором смысле более очевидна. Снова о грани между формациями речи нет – можно говорить лишь о начале трансформации восточных обществ под воздействием европейского капитала, колониализма, международного рынка. Естественно, что это длительный процесс, далеко не завершившийся и даже не достигший заметных результатов в ряде случаев и в наши дни. Так что же в таком случае взять за грань, пусть даже и условную? Совершенно очевидно, что на сей раз приводимую обычно в учебниках, энциклопедиях и общих трудах периодизацию, не только откровенно ориентированную на реалии европейской истории, но прямо опирающуюся на эти реалии (английская революция? французская революция?), принимать нет оснований. Здесь все-таки нужна грань, пусть условная, пусть как-то соотношенная с европейской историей, но все-таки имеющая смысл для самого Востока как субъекта исторического процесса. Необходимо принять во внимание не просто европейские процессы, но прежде всего то, как эти процессы затронули Восток. Речь идет, естественно, о колониализме, об экспансии колониального капитала, о связанной с этой экспансией трансформации Востока, наконец, о превращении ряда восточных стран в колонии.

Страны южных морей стали энергично осваиваться португальцами и голландцами уже в XVI в., тем более в XVII в. Тем не менее для традиционного Востока с его древними центрами высокой культуры это было только началом некоторых изменений, в то время еще едва заметных, если заметных вообще. Даже в XVIII в., когда европейские державы начали активное колониальное проникновение на Восток и было начато завоевание англичанами Индии, внутренней структуры восточных стран, в том числе и той же Индии, это коснулось очень слабо. Только с XIX в. начался период ломки и трансформации традиционной внутренней структуры Востока, вынужденного приспособляться к новым реалиям колониального капиталистического мирового рынка. Приняв во внимание сказанное, мы вправе условно установить завершающую грань восточного средневековья в XIX в., для большинства стран Востока – скорее всего в середине XIX в., когда только что упомянутые процессы уже повсеместно стали давать о себе знать, вызывая ответную реакцию традиционного восточного общества.

Что касается Нового времени. Для Востока в целом, включая и Африку, оно неразрывно связано с периодом колониализма. Важнейшим для истории Востока хронологическим рубежом является именно то время, когда он высвободился от колониальной зависимости, когда страны Востока стали независимыми. Поэтому неудивительно, что в качестве рамок, которыми следует ограничить новый этап истории Востока в целом, этап колониализма, берутся именно предлагаемые здесь, т. е. середина XIX – середина XX в. Совершенно очевидно, что при всей включенности Востока в мировую историю, особенно в эти XIX–XX вв., предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение. Конец периода колониализма, а, следовательно, и Нового времени для Востока, следует видеть в середине XX в., после Второй мировой войны.

2. Для характеристики социально-экономических и политических структур Средневекового Востока в историографии выдвигалось и выдвигается несколько концепций. До настоящего времени не утратила для ряда ученых притягательную силу концепция «азиатского способа производства». Выдвигая ее, ученые стремятся подчеркнуть ту специфику развития, которая была свойственна докапиталистическим восточным обществам по сравнению с западноевропейскими. Понятие «азиатского способа производства», интерпретируется иногда как адекватное понятию «государственного способа производства». При этом подчеркиваются особые функции азиатских государств в сфере производства и распределения прибавочного продукта при слабом развитии (или даже отсутствии) частной собственности на основное в докапиталистических аграрных обществах средство производства – землю.

Из прямо противоположного положения о доминировании частной земельной собственности во всех докапиталистических обществах мира, в том числе Востока, исходят сторонники так называемого рентного способа

производства. Рента – любой доход, кроме трудового дохода и дохода на вложенный капитал. Получение ренты за счет использования власти. Для ряда ученых средневековые общества Востока, не вставшие в доколониальный период на путь «индустриального» (капиталистического) развития, являются «традиционными». Присущие им «традиционные» формы прослеживаются во многих восточных странах вплоть до наших дней.

«Феодальная концепция» развития Востока выдвигается многими учеными. В качестве доказательства феодализма на Востоке приводятся разные доводы – от черт политической организации общества, а именно аморфности государственной структуры и выраженности центробежных тенденций, до условного землевладения феодалов.

Немало сторонников имеет концепция «большой феодальной формации», сторонники которой настаивают на типологической адекватности древних и средневековых обществ. В «Истории Востока» в 6 т. под феодализмом понимается особая формация, т.е. стадию в развитии общества, обусловленная определенным уровнем развития и характером материального производства, социально-экономических форм, культуры. Исходя из этого, его авторы средневековые общества Востока признают феодальными, допуская вместе с тем возникновение отдельных элементов феодальной структуры еще в эпоху древности, главным образом поздней древности. Таким образом, феодализм предстает как вторая антагонистическая формация на Востоке, пришедшая на смену антагонистической же многоукладной структуре древних обществ.

Феодализм часто рассматривается как строй, обусловленный господством мелкого натурального производства, когда экономической целью является производство потребительных стоимостей. Это «натурально-хозяйственная теория» феодализма. Однако многие авторы далеки от абсолютизации этого тезиса и отмечают наличие в средневековых обществах также и товарно-денежных отношений, торговли и мелкотоварного ремесла. Основу феодальной формации на Востоке, как и в других регионах мира, представлял феодальный способ производства (социально-экономический базис), которому соответствовали определенные, присущие феодальной эпохе, государственно-политические и юридические институты и формы общественного сознания, активно воздействовавшие на базисные отношения, во многом – детерминировавшие их.

На Востоке, как считают сторонники «феодальной концепции», как и в других феодальных обществах, большую роль играли внеэкономическое принуждение, обусловленное специфически феодальными характером и способом соединения производителя со средствами производства (производитель – собственник, наследственный владелец, арендатор), и военно-административная власть, которой обладал феодальный собственник, являвшийся не только агентом производства и получателем прибавочного продукта, но и господином. В результате экономическая суть феодальных отношений скрыта личностными отношениями, т.е. отношениями личной зависимости, господства и подчинения.

Медиевисты-восточники уже ряд десятилетий применяют концепцию «восточного феодализма», которая удобна тем, что подчеркивает как сущностное единство этапа развития Запада и Востока в Средние века, так и наличие на базе этого единства определенной специфики. Однако концепцию эту нельзя считать разработанной, поскольку не определено, что же является общефеодальным, а что специфически восточным. Среди сторонников формулировки «восточный феодализм» нет единства в понимании существа этого строя. В востоковедной литературе сохраняются две противоположные тенденции, старые, как само востоковедение. Ряд специалистов стремятся придать особенностям Востока решающее значение, оторвать Восток от европейского хода истории и с этой целью использовать концепцию «азиатского способа производства» и «азиатской формации». Другие же стремятся отрицать сколько-нибудь серьезную специфику Востока и найти там все западноевропейские институты соответствующих эпох.

Самое же главное отклонение Востока от модели феодализма заключалось в расчленении функций землевладения, расчленении отношений собственности на две сферы – верховную и податную. Тот комплекс отношений, который часто осмысливается как «государственная собственность на землю», по мнению многих, составляет специфику Востока. Между тем понимают под этим выражением не одно и то же. Для одних государственная собственность означает право государства на землю и взимание налога (ренты) по данному праву. С этим пониманием связано особое внимание к юридическому оформлению, к наличию или отсутствию юридического акта, объявляющего всю землю государственной. Для других основным критерием государственной собственности Восток в мировой типологии феодализма служит сам факт взимания налога, и они видят свою задачу в доказательстве того, что налог действительно являлся феодальной рентой, т.е. охватывал весь прибавочный продукт, служил нормальной формой прибавочного продукта. Наконец, под господством государственной собственности нередко понимают сочетание государственных и частных земель и определенное доминирование государственных властей над частными хозяйствами, (владениями). Реальное различие экономических и правовых ситуаций в разных странах в разные периоды, а также различное понимание предмета дискуссии часто делают несопоставимыми взгляды, высказываемые специалистами.

Власть государя на землю на Востоке не нуждалась в правовом оформлении, так как была выше права, имела мистическое обоснование, не требовала ни доказательств, ни уточнений. Главным фактором являлась реальная власть, которая ограничивала частную собственность в такой степени, что выступала в качестве сособственности. Возникла в л а с т ь - с о б с т в е н н о с т ь, которая уже упоминалась, — институт, сочетавший характеристики управления и эксплуатации, в котором ведущая роль принадлежала первому элементу – власти.

В рамках общей, генеральной модели феодализма со всей очевидностью просматриваются две макрорегиональные (западная и

восточная) модели. Какие же черты общественной структуры, позволяющие говорить о «восточном феодализме» как особом формационном регионе, определяли более медленные темпы развития восточных стран, каковы были факторы, внутренние и внешние по отношению к данному обществу, этого явления? Уместно отметить прежде всего, что генетической подсистемой феодализма на Востоке были первобытнообщинные, патриархальные структуры, хотя они, возможно, постепенно разлагались. Как известно, существование на Востоке в древности рабовладельческой формации является предметом научных дискуссий. Бесспорно, однако, то, что рабовладельческий уклад существовал практически во всех древневосточных цивилизациях. Последнее обстоятельство не могло не оказать влияние на генезис феодальных отношений на Востоке, где элементы разлагавшихся рабовладельческих отношений играли часто не менее значительную роль, чем элементы разлагавшихся первобытнообщинных отношений.

Согласно мнению многих других исследователей, государственная собственность в средневековых обществах Востока была феодальной по своей сути, поскольку реализовалась (как и вотчинная, или частная, собственность) через присвоение прибавочного продукта, изымаемого путем внеэкономического принуждения у наделенных средствами производства (прежде всего землей) и неполноправных в социальном отношении крестьян. Формой реализации государственной собственности была рентаналог, которую следует рассматривать не просто как феодальную модификацию государственных налогов, но как особый вариант феодальной ренты в условиях преобладания государственной собственности. Следовательно, отношения, базирующиеся на частноправовых началах и на государственных началах, – два типа феодальных отношений. Как полагал Л.В.Черепнин, первый тип отношений доминировал в Западной Европе, второй тип отношений (именуемый иногда государственным феодализмом) преобладал на Востоке, а сочетание их было характерно для Руси.

Рабство на Востоке в средние века сохранялось как в своих феодальных модификациях, так и в виде особого уклада. Роль его была весьма значительна, хотя и не всегда получала адекватное отражение в источниках, в частности в официальных документах и хрониках. Особенно значительна роль рабовладельческого уклада в раннее средневековье.

По основным параметрам того явления, которое принято называть феодализмом (или строем средневековья – терминология не существенна), Восток не только демонстрировал совпадение, но даже большую близость к модели. Если можно так выразиться, «феодальность» восточных обществ была даже выше, чем обществ западных. Так, если для феодализма характерно сочетание частновладельческих и государственных прав на землю и население, то на Востоке эта сращенность особенно заметна, что и выразилось в широком применении в литературе термина «власть–собственность». Если для феодализма характерна значительная натуральность хозяйства, то именно на Востоке хозяйственная замкнутость общины наиболее выражена. Если для феодализма характерна тесная связь

человека с конкретным видом труда, то именно в одной из стран Востока, в Индии, эта связь находит свое абсолютное воплощение в виде кастовой системы. К Востоку не в меньшей, если не в большей степени можно отнести большинство характеристик, прилагаемых обычно к феодализму.

Так правомерно ли употреблять термин «феодализм» применительно к средневековому Востоку? Практически в немарксистской историографии «феодализм» – это другое обозначение понятия «традиционный Восток», едва ли не синонимичное ему. Использование термина «феодальный» применительно к неевропейским структурам неизбежно предполагает, что речь идет об обществе, подобном европейскому феодальному обществу.

3. Среди историков преобладает точка зрения, что эпоха восточного Средневековья выделена условно, ибо структурно государства и общества в средние века оставались теми же, что были и в Древности. Средневековый Восток тем не менее являет собой сущностно нечто новое, достаточно своеобразное по сравнению с восточной Древностью. Разница, во-первых, в степени и уровне развития, что следует признать естественным и само собой разумеющимся (как-никак, а восточное средневековье – это полторы-две тысячи лет эволюции, пусть прежде всего цикличной, но также и поступательной). Во-вторых, разница в качестве, в совершенстве самой структуры восточного общества как таковой и, что особенно важно, в цивилизационном ее обрамлении. Конечно, цивилизационное качество восточных структур выявило себя еще в древности (специфика Западной Азии, Китая или Индии, Египта). Но в Средние века эта специфика не просто углубилась, она видоизменилась. Во-первых, потому, что лишь оформлявшиеся древние индо-буддийская и китайско-конфуцианская цивилизации обрели за полторы-две тысячи лет свой заверченный облик, устойчивые нормы жизни и системы ценностей: что-то отсеялось и ушло в прошлое, что-то вышло на передний план и стало определяющим и т. п. Во-вторых, потому, что вся ближневосточная зона оказалась под влиянием новой, возникшей именно в средние века исламской цивилизации, корни которой уходят как в древний Ближний Восток, так и в иудео-христианскую традицию, не говоря уже об иранском влиянии с его зороастризмом и административно-политической культурой.

Средневековый Восток в цивилизационном плане стал много более определенным, чем то был Восток Древний. Развитые религиозные системы (ислам и индо-буддизм) и приравненная к ним мощная этико-идеологическая система конфуцианства в сущности поделили между собой сферы не только культурного и политического, но также и идейного, религиозного, мировоззренческого воздействия, которое в свою очередь формировало как образ жизни и менталитет людей, так и формы их привычной социально-семейной жизни, административные связи и государственность. Даже в тех регионах, где, как в Юго-Восточной Азии, заметно воздействие разных, а то и всех трех великих восточных религиозно-цивилизационных систем, каждая

из них представлена своими специфическими элементами, достаточно легко вычлняющимися.

Частный собственник, освоившийся с вторичностью своего статуса, постепенно не только свыкся с ним, но и обрел ту социальную нишу, которая соответствовала и его статусу, и его запросам, возможностям и потребностям. Соответственно сложился и рынок – пусть неразвитый, лишенный потенций для саморазвития, но зато достаточно процветающий и богатый, не в последнюю очередь за счет транзитной торговли. Этот рынок тоже вписался в предназначенное ему властями место, обрел свои формы и успешно реализовал свои возможности. Сформировавшиеся и созревшие таким образом рынок и собственник на Средневековом Востоке стали играть заметную роль, и эта роль никоим образом теперь уже не вела к ослаблению государства – во всяком случае до тех пор, пока все оставалось в норме. Если ситуация выходила из нормы, как то наиболее рельефно видно на примере китайской империи с ее династийными циклами, то в ход пускался механизм реформ, экспроприировавших зарвавшихся собственников. Если же не помогало и это, то наступавший кризис делал свое дело: в огне социальных катаклизмов собственники гибли в числе первых, так что после преодоления кризиса норма восстанавливалась.

Рынок и собственник занимали ту нишу, которая соответствовала их месту и роли в жизни общества и не представляла угрозы государству. Соответственно складывался и менталитет собственника. Этот менталитет исконно был сродни обычному менталитету подданного восточного государства. Никто из восточных собственников никогда и не мыслил себя иначе, как покорным власти подданным, даже если он был «богаче князей». Известно, что любой выходец из простолюдинов, став богатым (разумеется, это не относится к тем, кто шел наверх по административной лестнице, обретая с каждой ее ступенью законную новую порцию престижа и прилагавшегося к нему в строгом соответствии с рангом богатства), больше всего заботился о престиже. Далекое не случайно с легкой руки Шан Яна Китайское государство, например, всегда в случае нужды запускало привычный механизм продажи рангов, должностей (чаще всего синекур) и даже ученых степеней (тоже с явственным знаком «проданная», «купленная»). Богатство возвращалось в казну, а богатый приобретал столь желанный и так высоко ценимый в обществе рангов и привилегий престиж. Стремление к постоянному росту дохода, увеличению богатства во что бы то ни стало и любой ценой гасилось в зародыше, не говоря уже о том, что сами по себе стоявшие за этим стремлением инициатива, предприимчивость, энергия новатора не имели почвы для своего расцвета и потому не расцветали.

Хотя взаимоотношения с собственниками были едва ли не решающими для судеб восточного централизованного государства, важно сказать, что и отношения государства, аппарата власти, с обществом в целом, с социумом – таким, каким он был и в древности, тоже не остались без изменений. Суть перемен сводилась к институционализации и легитимизации тех форм

взаимосвязей, которые сложились в древности. Лучше всего это видно на примере Индии и Китая, чья история как бы отчетливо распадается на древность, период формирования структуры, и зрелость, период ее устойчивого существования в средние века.

На Востоке авторитет власти зависит только от силы самой власти, от эффективности централизованной администрации и в конечном счете от регулярного притока в казну гарантированной нормы дохода, а не от баланса противоречивых тенденций в социуме. Система социальных корпораций, которая сложилась в древности (семья, клан, община, каста, секта, цех, землячество и т. п.), постепенно институционализировалась и приспособлялась к нуждам государства, пока не достигла в этом смысле своего рода совершенства, что произошло именно в Средние века. Речь идет об идеально отлаженном конфуцианском административном аппарате, низовой ячейкой которого были старшие в деревнях и ответственные в рамках пятков или десятков, на которые нередко делилось сельское население. Государство, опирающееся на власть-собственность, имеющее немислимо высокий статус, абсолютное могущество, высший авторитет, полную власть, – такое государство само по себе ни в какой эволюции не заинтересовано. Традиционное восточное государство в наивысшей степени консервативно и заинтересовано в устойчивой стабильности и в регенерации в случае кризиса.

Традиционный восточный социум полностью соответствовал своему государству и, более того, был заинтересован в сохранении этого соответствия, в дальнейшем пребывании под давлением со стороны государства. Любое ослабление давления, связанное с ослаблением государства, вело к критическим явлениям и вызывало нарушения, которые болезненно сказывались на социуме. Неудивительно поэтому, что социум в форме народных массовых движений обычно выступал за ликвидацию нарушений и возвращение к желанной норме, что он был в не меньшей мере, нежели государство, заинтересован в сохранении устойчивой консервативной стабильности.

В рамках спиральных циклов Восток все же развивался поступательно, причем это развитие проявлялось и в усовершенствовании технологии, и в использовании все новых ресурсов, и в развитии новых идей, включая научные, и в распространении накопленных знаний и культурного опыта в сторону первобытной периферии, и в совершенствовании социально-политической структуры общества, и во многом другом. К этому стоит добавить, что поступательно развивались производственные ресурсы Востока в целом, будь то обогащенные опытом предков люди, численно все возраставшие и включавшиеся в производство новые орудия и новые технологии. Достаточно напомнить, что к эпохе Великих географических открытий на рубеже XV–XVI вв. именно богатый Восток представлялся полунищим европейцам сказочным царством роскоши – да и действительно восточные города и резиденции правителей были богаты. А ведь богатство – это объективный показатель развития и процветания структуры.

Словом, Восток развивался, временами даже достигал уровня зажиточности, а то и процветания. Богатая международная торговля способствовала распространению этого уровня, а консервативная стабильность социальной структуры в известной мере (учитывая неизбежные колебания в рамках циклов) гарантировала его устойчивость. Конечно, не стоит преувеличивать: богаты были отнюдь не все. Но не было и чересчур кричащей имущественной разницы вне пределов престижного потребления причастных к власти. Главное же было в том, что каждый имел столько, сколько ему положено, соответствовало его положению в государстве и обществе. Зарвавшиеся же собственники, нарушавшие эту неписанную норму, обычно сравнительно легко ставились на место.

4. В истории Востока в 6 т. речь идет о 16 в. как начале трансформации Востока под воздействием торговой экспансии Европы. Был прерван нормальный органический исторический процесс на Востоке.

XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма. Поток фабричных товаров из метрополий стал быстро превращать колонии и зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья. Рыночные связи теперь устанавливались гораздо более прочно, а по их каналам средства (включая и серебро) текли теперь чаще в обратном направлении. Этому сопутствовали разорение традиционного восточного ремесла, упадок торговли, а также крушение привычных норм бытия и сопровождавшие его политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое, с этим связанное. Вот это и есть то сущностно новое, что вносило немало изменений в привычные нормы и условия жизни стран и народов Востока. Вот почему целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке именно с XIX в. Где раньше, где позже, но в целом примерно с XIX в., может быть, даже с середины его.

И в самом деле, историко-статистические расчеты показывают, что вплоть до середины XIX в. Запад просто не мог оказывать сколько-нибудь заметного влияния на экономическое развитие восточных обществ, за исключением, быть может, некоторых прибрежных анклавов.

В советской и постсоветской историографии мало сказано о той исторической роли, которую сыграл колониализм в трансформации внутренней структуры традиционного Востока. А ведь с точки зрения проблем всемирно-исторического процесса именно это следовало бы рассмотреть и оценить в первую очередь.

Гораздо уместнее говорить не о «новой истории» Востока и даже не об «истории Востока в новое время» (в обоих случаях имеются в виду европейская «новая история», «новое время» для капиталистической Европы), но именно о колониализме как эпохе, спровоцировавшей внутреннюю трансформацию. И, конечно, при этом следовало бы выдвинуть на передний план те самые историко-культурные, религиозно-цивилизационные факторы, которые сыграли едва ли не решающую роль в

том, какую форму приняла трансформация той или иной страны Востока, того или иного цивилизационного региона. И еще одно: колониализм важен как провоцирующий критерий, не более того. Нельзя забывать, что в тот момент, когда бацилла колониального капитализма начала действовать в разных восточных регионах, Восток был во многих отношениях не менее процветающим, чем Европа, а где-то и в чем-то даже и более. Существуют серьезные специальные исследования (в отечественной историографии они представлены трудами А. М. Петрова), которые показывают, что даже в XVII–XVIII вв. колониальная торговля Европы с Востоком строилась таким образом, что за высокоценные и желанные европейцами пряности и иные раритеты Европа была вынуждена платить золотом и серебром (благо был приток американского золота и серебра с XVI столетия), а не своими товарами, которых у европейцев в то время для развитой торговли просто не было и в которых богатый Восток в то время просто не нуждался.

Все стало решительно меняться только с XIX в., когда начался век машинной индустрии, фабричного производства, конкурировать с которым восточное хозяйство, в частности ремесло, не могло. И если иметь в виду не раннюю колониальную торговлю, не первые захваченные на Востоке торговые форпосты, а колониализм в полном смысле этого слова – тот колониализм, который стал коренным образом деформировать структуру зависимых неевропейских регионов, – то его следует датировать примерно именно рубежом XVIII–XIX вв. Именно к XIX в. относится и вызревание на Востоке комплекса социально-цивилизационной неполноценности, под знаком которого протекали основные реформы, усиливались различного рода вестернизаторские влияния, закладывались основы частнокапиталистического национального хозяйства и, как итог всего этого, обретали силу революционные национально-освободительные идеи, опиравшиеся прежде всего на заимствованные из Европы доктрины, от христианства до социализма, и проявившие себя в полную силу уже в начале XX в., в эпоху «пробуждения Азии».

Традиционная структура, когда она подвергается воздействию со стороны колониального капитала, на первых порах, если не поставить преград активности торгового капитала (как то было сделано, в частности, в странах Дальнего Востока в XVI–XIX вв.), сталкивается с процессом постепенного усиления рыночных связей. Постепенно, как это происходило наиболее заметно в юго-восточноазиатском регионе, а затем также в Индии, на Цейлоне, на побережье Африки, чуть позже и в других странах Востока, рыночные связи укреплялись и развивались, причем происходило это не только за счет усиления позиций местных торговцев и подключения к торговым операциям все новых слоев населения, от крестьян до правителей (стоит напомнить, что именно вожди и правители прото – и раннегосударственных образований были чуть ли не главными поставщиками живого товара, как это особенно характерно было для Африки), но и вследствие создания многочисленных торговых форпостов

европейцев. Форпосты, о которых идет речь, становились не просто анклавами чужой структуры; сосредоточивая в своих пределах едва ли не всю предназначавшуюся на экспорт торговую массу (а также соответственно импорт, т. е. европейские товары, как ни мало их было), эти центры оказывались гигантскими рынками, причем рынками нового, капиталистического типа.

Промышленный капитализм по-прежнему был заинтересован в развитии восточных рынков, в продаже там промышленных товаров и закупке во все возрастающих количествах сырья. Но для того, чтобы обеспечить удовлетворение бурными темпами возрастающих потребностей в том и другом, следовало столь же быстро наращивать в странах Востока производство сырья (хлопка, каучука, минеральных ресурсов или чего-либо иного) и, главное, превращать все произведенное в товар, т. е. создавать все новые рынки, а точнее – единый всеохватывающий мировой рынок, организованный по капиталистическим стандартам и служащий интересам колониального капитала. А для того, чтобы такой рынок на всем Востоке был создан и достаточно эффективно функционировал, следовало, во-первых, поставить страны Востока в политическую зависимость от европейских капиталистических держав, а во-вторых, создать в этих странах ту инфраструктуру, от банков и предприятий до железных дорог, портов, баз и т. п., без которой рынок нормально существовать не может. К этому следует добавить необходимое количество грамотных и образованных людей, кадровых администраторов, работников банков и предприятий, без которых необходимая новая инфраструктура не в состоянии функционировать. Важно также поставить по-европейски образованных людей, проникнутых европейскими ценностными ориентациями, во главе стран Востока или хотя бы на ключевые социальные, экономические и политические позиции в этих странах.

Вторая половина XIX в. была в некотором смысле временем надежд на то, что с модернизацией традиционной структурой Востока справиться сравнительно легко и что в результате ряда реформ и умелой администрации Восток впишется в европейские стандарты или, во всяком случае, легко смирится с той ролью, которую он издавна играл в масштабах мирового рынка, а может быть и добьется большего на пути экономического развития. Ситуация стала изменяться к концу XIX в. и особенно в начале XX в. Меньше всего это было заметно в колониях, где шел непрерывный процесс преобразований, а административная власть была в руках колонизаторов. Правда, и здесь преобразования сопровождались сопротивлением пробуждавшейся традиционной структуры, все острее ощущавшей свое кризисное состояние и мобилизовавшей силы для самосохранения. Однако, лишённая реальной политической власти структура в колониях оказывала преимущественно пассивное сопротивление. Зато в тех странах, где политическая власть находилась в руках местных правителей и где вмешательство колониального капитала рассматривалось как вторжение

чуждых сил, угрожающих привычному существованию, обстановка накалялась.

Структурно трансформирующийся в период колониальной экспансии европейского капитала и соответствующего ему цивилизационного и частноправового стандарта Восток заметно изменился. Наряду с традиционным сектором его экономики, олицетворенным крестьянством и опутанным привычными типовыми связями, появились два новых – колониально-капиталистический, свободный от традиционных типовых связей и ориентированный на мировой рынок, и государственный, созданный по образцу колониально-капиталистического, но опутанный традиционными типовыми связями. Приспособление трансформирующегося Востока к изменяющимся обстоятельствам шло за счет двух новых сил и связанных с ними секторов хозяйства, т. е. за счет колониального капитала и государства. Основной силой сопротивления были традиционный сектор и связанные с ним крестьянские массы. Постепенное ослабление позиций колониального капитала, во всяком случае его политических позиций в зависимых странах, и деколонизация колоний привели в середине XX в. к тому, что основная тяжесть в решении нелегких экономических проблем легла на государство, выступившее в некотором смысле в качестве преемника колониального капитала – преемника не только в смысле политической власти, но во многом и в плане экономическом. Итак, трансформация пробужденного Востока вынужденно сводилась прежде всего к укреплению позиций традиционного государства. В колониях оно было возрождено после деколонизации, в зависимых странах стало укрепляться в процессе реформ и революционных преобразований.